

2.

Многим, кто видел Василия Шукшина в начале шестидесятых годов в Москве, он запомнился с неперенным чемоданчиком в руках, где лежали рукописи и смена белья. В этом чемоданчике находилось тогда все его имущество. И это при всем при том, что еще со студенческих лет он, как актер, не знал простоя, постоянно снимался в разных фильмах, зачастую в главных ролях. Преуспевал и как молодой писатель — журналы печатали охотно.

Возникает вопрос: почему же Василий Шукшин в те годы не снял комнату или квартиру в Москве, как это обычно делают аспиранты, слушатели военных академий, — деньги бы нашлись... Ведь даже в залах ожидания коротал ночь иногда. «Чаще всего на Казанском», — сообщает В. И. Коробов в своей новой книге «Василий Шукшин». Как мне кажется, такой способ проживания в Москве, хотя изнурял физически и морально, в то же время давал творческое удовлетворение, возможность встречаться со многими людьми, заводить знакомства, говорить по душам, наблюдать жизненные сцены, которые никогда не увидишь, живя на одном месте и в одних стенах...

Еще одна печаль снедала тогда Шукшина: ему несколько лет не давали возможности снимать фильмы, а ведь он окончил ВГИК как режиссер.

Решающим оказался 1963 год. Все три ваза, которые тащил на себе Шукшин, резко пошли в гору, набирая скорость и вес. Появились «Сельские жители» — первая книга. Рассказы его начал публиковать «Новый мир».

В том же году получил «зеленый свет» его сценарий, и Шукшин приступил к съемке своего первого полнометражного фильма, вышедшего на экран под названием «Живет такой парень».

Спустя еще год Василий Шукшин получил наконец-то ключи от квартиры — первой в жизни. Он не жил в коммунальных квартирах, бараках и полуподвалах, как приходилось тогда многим уроженцам Арбата, Замоскворечья и Таганки, а сразу, будучи еще холостяком, въехал в двухкомнатную квартиру.

Выйдя на поверхность земли из метро на станции «Свиблово», попадаешь на городскую окраину, где не сразу и увидишь

Москва в лицах

Три ноши Василия Шукшина

привычные московские ориентиры — кругом зеленеют остатки леса. Разбежались поодиночке еще кое-где сохранившие хвою высокие старые сосны, а между ними стоят разной высоты типовые дома: башни и коробки, которые здесь появились с начала шестидесятых годов, когда эта земля вошла в черту Москвы и начала бурно осваиваться. Но до метро тогда было еще далеко.

Осмотревшись, между домами замечаю в той стороне, где осталась старая Москва, высокий стеклянный купол павильона ВДНХ. Пройдя еще с километр, когда обрывается строй домов, вижу иглу Останкинской телебашни. Еще при выходе из метро, когда читаешь надписи на указателях, охватывает холодок: Снежная, Амундсена, Русанова... Эти и другие названия улиц напоминают о Севере, его исследованиях.

В проезде Русанова и находится первый дом Шукшина.

Подходишь к самому концу проезда, где дорога упирается в забор, лес, и видишь обычную, можно уже теперь сказать, старую башню в девять этажей. Стены ее маляры, предвзвительно проконопатив швы между плитами панелей, красят свежей краской. В первый этаж встроены магазин «Продукты», крыша его выдается вперед, а на фасаде уличный фонарь: «Проезд Русанова, № 35».

Сюда и приехал в конце 1964 года новосел Василий Шукшин, войдя в пустую квартиру вместе с директором картины Борисом Краковским и товарищем Игнатием Пономаревым, также получившим жилье в этом доме. Втроем они и отметили новоселье в комнатах без мебели. Шукшин внес сюда ворох тетрадей, рукописей, их было уже много, и они бросались в глаза тому, кто попадал в это холостяцкое жилище. Даже не входя в дом, могу сказать, что квартира в нем — малометражная, из двух смежных комнат и символической кухни. Такими были квартиры в этих типовых башнях первого поколения, появившихся тогда, в начале шестидесятых, в разных концах старой Москвы. Благодаря описанию Игнатия Пономарева в его документальной

повести о В. М. Шукшине мы теперь знаем, как еще до того, как началась здесь семейная жизнь, выглядели эти комнаты, что наполняло их пространство. Швейной иглой к стене в большой комнате был приколот портрет Сергея Есенина с курительной трубкой во рту. Мебель составляли раскладушка да старый стол с табуреткой. Обои были те же, что оставили строители, — лимонного цвета в бежевую полоску. Пол паркетный, из мелкой дощечки. Пельницей служила жестяная круглая коробка из-под киноплёнки.

В маленькой комнате, одно время служившей рабочим кабинетом, имелся встроенный шкаф, на подоконнике лежали газеты и журналы.

— Не будь я бездомным, я бы бог знает сколько успел сделать. Теперь придется наверстывать, — говорил тогда Шукшин.

Но и будучи бездомным, он привез именно сюда готовый сценарий фильма о Степане Разине. И успел наверстать упущенное. Как раз в этом домике, в малометражной квартире, он написал многое из того, что останется в литературе навсегда, написал сценарий фильма «Печки-лавачки», роман о Степане Разине...

Войдя в дом, я поднялся на пятый этаж. Квартира № 33 — бывшая Шукшина, в ней он проживал с 15 июля 1964-го по 1 ноября 1972 года, восемь лет. Так свидетельствует выписка из домовой книги, которую редакции прислала Л. И. Иванова.

Спустившись вниз, выйдя из подъезда, прошел в ту сторону, что видел из своих окон Шукшин. Сразу за порогом дома кончается асфальт и, можно сказать, кончается город — под ногами прощупывается густая бурая земля, вся поросшая зеленью: дикими травами, кустами, деревьями. Вся эта зеленая поросль густо переплетается, становясь непроходимой, «болотистой», спускается круто к невидимой воде...

Обрывается и строй домов, отступая на несколько сот метров перед поймой. Вокруг старой башни Шукшина успели за минувшие годы выстроить дру-

гие, еще более высокие башни.

Выше всех башен — игла Останкинской телебашни, а за зеленым оазисом, над деревьями, вижу другой мне давно знакомый ориентир — поднявшийся над холмом, почерневший от времени дощатый двухэтажный на каменном основании старый дом с заколоченными чем попало окнами под белой новой цинковой крышей. Рядом с домом издаലെка просматриваются силуэты колокольни и купола старинной подмосковной церкви. Неподалеку от этой чудом сохранившейся старинной подмосковной усадьбы три лета в начале XIX века проживал Николай Карамзин, автор незабвенной «Бедной Лизы». Отсюда пешком прошел он до Москвы за гробом своей любимой жены, скончавшейся в Свиблове, где они, молодые, вдвоем часами прогуливались по этим живописным местам: в саду старинной усадьбы, по берегам реки Яузы, тогда полноводной.

Она и по сей день течет тут, укрывшись среди кустов и деревьев посреди зеленеющего глубокого оврага, над которым поднялся дом-башня Шукшина.

И хотя как течет тихая вода Яузы, не видно, не слышно все остальное — шум листьев на осеннем ветру, пенье птиц, лай собак, голоса детей во дворах — все отчетливо прослушивается в этом месте Москвы, которое без особого преувеличения можно назвать землей Шукшина. В его годы из окон еще были видны последние сохранившиеся избы старого, уже снесенного Свиблова, нередко попадались на глаза деревенские коровы. И хотя теперь этих сельских примет уже нет, ощущение относительного покоя осталось, нарушаемое редким проездом поезда по захолустной железнодорожной ветке и движением автобусов, делающих у самого порога дома № 35 отстой и поворот, чтобы начать очередной рейс.

Местом этим, наверное, Шукшин был доволен: его с одной стороны окружал город, а с другой — дикая пойма; речка, лес, что напоминало ему вместе с тишиной Алтай, другие зеленые берега, речку Катунь.

Лев КОЛОДНЫЙ.